
ИСТОРИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

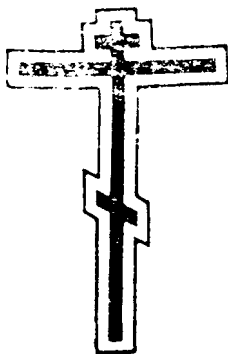
О

ЖИЗНИ СВЯТЫХ ПОДВИЗАВШИХСЯ

В

ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ

прославляемых всею Церковью и местночтимых

Издание церкви Покрова
Богоматери на Козлене
г. Вологда
1993

Век XV

**ПРЕПОДОБНЫЕ: ДИОНИСИЙ ГЛУШИЦКИЙ
И УЧЕНИКИ ЕГО: АМФИЛОХИЙ, МАКАРИЙ,
ТАРАСИЙ, ПРЕПОДОБНЫЙ ПАХОМИЙ, ИЖЕ НА ЕЗЕРЕ,
ФИЛИПП РАБАНГСКИЙ, СЕРГИЙ НУРОМСКИЙ,
ПАВЕЛ ОБНОРСКИЙ, АЛЕКСАНДР КУШТСКИЙ,
ГРИГОРИЙ ПЕЛЬШЕМСКИЙ, ИОАСАФ КАМЕНСКИЙ,
ГЕРАСИМ, ПИТИРИМ И ИОНА, ЕПИСКОПЫ
ВЕЛИКОПЕРМСКИЕ, ПРЕПОДОБНЫЙ ДИМИТРИЙ
ЦЫЛИБИНСКИЙ, ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН УСТЮЖСКИЙ,
ПРЕПОДОБНЫЕ ЕВФИМИЙ И ХАРИТОН СЯНЖЕМСКИЕ,
АВРАМИЙ И КОПРИЙ ПЕЧЕНГСКИЕ, АВКСЕНТИЙ
И ОНУФРИЙ ПЕРЦЕВСКИЕ, ПРАВЕДНЫЙ
КИРИЛЛ ВЕЛЬСКИЙ.**

ПРЕПОДОБНЫЙ ДИОНИСИЙ ГЛУШИЦКИЙ И ЕГО УЧЕНИКИ

О преподобном Дионисии известно, что он родился близ Вологды в первых числах декабря 1362 года, во святом крещении он был назван Димитрием и в молодых годах пострижен был в монашество в Каменном монастыре игуменом Дионисием Святогорцем.

Девять лет провел он на Каменном в различных монастырских послушаниях, совершенно отрехшись от своей воли и всецело предав себя воле старца-руководителя. Ревнуя о высшем духовном совершенстве, он стал советоваться с иноком Пахоимем—единоправным своим другом и сподвижником о том, как достигнуть жизни совершенно безмолвной и уединенной и всецело посвятить себя на служение Господу. Наконец они пошли искать себе удобного для спасения места.

Обходя восточную сторону Кубенского озера, они достигли «святой луки», того места, где вытекала из него река Сухона и где находился запустевший в то время монастырь

Понравилось странникам это прекрасное и удобное место, и они решили поселиться в нем и возобновить древнюю обитель. Сперва они поставили себе хижину для жилья, а потом приступили к построению небольшой церкви во имя спасителя Николая.

Преподобный Дионисий после этого отправился в Ростов к архиепископу Григорию просить благословения на возобновление монастыря и освящение церкви. Архиепископ Григорий, бывший игумен Каменский, с любовью принял выходца из Каменного монастыря, вполне одобрил его намерение и не только дал ему все просимое, но и самого просителя возвел в священный сан. Это было около 1396 года.

Быстро стала распространяться в окрестностях молва о новом монастыре и о святой жизни его строителей. Стали приходить к ним окрестные жители то для богомолья в храме, то для душевно-полезных советов и наставлений. Пришел и еще один брат для постоянного сожителства с ними.

Через некоторое время преподобный Дионисий покинул обитель, решив посвятить себя пустынножительству. Скоро он достиг реки Глушицы и остановился на возвышенном и крутом ее берегу. Долго смотрел он на раскрывшуюся перед ним пустынную картину природы: внизу извилисто протекала Глушица, на зеркальной поверхности которой отражались лучи восходящего солнца, лиственные деревья и кустарники окаймляли берега, на небольших луговых мысах, образуемых течением реки, зеленела высокая трава и пестрели цветы, наполнившие воздух своим ароматом. Во все стороны чернел дремучий лес, простиравшийся на несколько десятков верст. Нигде не видно было следов человека, ниоткуда не слышно было человеческого голоса, повсюду царствовало совершенное безмолвие.

Преподобному Дионисию понравилось это место, он водрузил деревянный крест, который принес с собой. Со временем стали приходить к нему иноки, а в 1400 году преподобный решил здесь устроить монастырь. Он послал одного из иноков в Устье к удельному князю Димитрию Васильевичу Заозерскому, владевшему окрестностями Кубенского озера, просить дозволения и помощи на устройство обители. Князь немедленно послал рабочих, которые очистили место для строения монастыря, вырубили и сожгли на нем лесную чащу. Сперва была сооружена церковь во имя Покрова Богоматери, потом трапеза и все, что нужно было для общежития.

По мере внешнего устройства обители и утверждения в ней строгого общежительного устава, распространилась и слава о ней в окрестности, возрастало и умножалось число братии. В 1412 году, через семь лет после построения первой церкви, началось сооружение нового храма, также во имя Покрова Богородицы. Преподобный сам написал для него иконы.

И все же желание всецело посвятить себя молитвенному созерцанию с Богом преобладало. Однажды он тайно вышел из монастыря и устремился в любезную ему пустыню на полуденную сторону, где были непроходимые дебри и болота. Здесь на берегу все той же речки Глушицы, версты за четыре от монастыря, ему понравилось одно возвышенное и сухое место, называвшееся Сосновцем от находившейся вблизи необыкновенной вышины и толщины сосны. Устроив себе под ней хижину, он начал подвизаться тут в посте и молитве в совершенном безмолвии и уединении, не забывая, впрочем, и Покровской обители, где вся братия скорбела и плакала об его удалении.

Здесь же преподобный Дионисий решил построить храм. В 1419 году он отправился в Ростов испросить у архиепископа благословение на построение и освящение храма в пустыне. По прибытии из Ростова преподобный немедленно приступил к построе-

ю церкви и келий в Сосновце для нескольких братьев, которые хотели с ним остаться. В 1420 году он освятил церковь во имя Ангела пустыни Предтечи и с несколькими избранными учениками перешел сюда на постоянное жительство.

В дальнейшем, за две версты от Покровского монастыря, была построена особая церковь во имя святителя Леонтия Ростовского, чтобы там, а не в монастыре могли собираться женщины, желающие слышать и видеть преподобного. Затем были построены еще две церкви, одна за 18 верст от лавры вниз по Глушице на реке Хонце во имя Воскресения Христова, чтобы тамошние жители, имеяшие церковь, могли собираться в ней для слушания слова Божия; другая, во имя святителя Николая, по просьбе бедных жителей селения Двиницы. Они были украшены благолепными иконами писанья самого преподобного.

Незаметно до своей блаженной кончины преподобный был известен посещением Глушицкой обители архиепископом Ростовским Ефремом, который, заботясь о благосостоянии своей обширной епархии, решил в то время лично обозреть ее до Великого Устюга и даже до Поморья, а на обратном пути оттуда коснулся пустынного края Глушицкого. Владыка Ефрем рад был случаю лично видеть преподобного, о котором много слышал от других. Он утвердил духовное завещание Дионисия, дал ему монастырю щедрую милостыню.

Преподобный Дионисий скончался 1 июля 1437 года. Всех лет жизни ему было 74 года и 6 месяцев. Московский собор 1547 года причислил его к лику святых и установил праздновать память его во всех церквях русских 1 июля в день его преставления. Служба написана в 1548 году.

Многие из учеников преподобного Дионисия вскоре после их кончины еще современниками были причислены к лику святых. Имена преподобные Амфилохий, Макарий, Тарасий и Феодосий.

УЧЕНИКИ ПРЕПОДОБНОГО ДИОНИСИЯ

Преподобный Амфилохий долгое время подвизался в одном из южеских монастырей и достиг там священного сана. Но когда узнал о пустынных подвигах Дионисия достигла Устюга, он освятил свою обитель и в 1417 году пришел на Глушицу, желая быть учеником преподобного.

Дионисий, услышав, что гость хочет быть ему сподвижником, открыл, что жизнь в его обители сурова и трудна, но это не смутило Амфилохия. Он действительно сделался самым видным и наставленным учеником Дионисия, тщательным блюстителем и исполнителем монастырского устава.

Двадцать лет провел блаженный Амфилохий в Глушицах под руководством преподобного Дионисия. По преставлении же его был преемником преподобного в управлении обителями и подвижился еще 15 лет, так что всех лет его пребывания в Глушицах было 35. Достигши глубокой старости, он тихо и мирно скончался 12 октября 1452 года. Он был погребен, по его завещанию, в Соеновце подле своего наставника, с которым соединился и духом в Царствии Небесном. Память его совершается 12 октября, служба ему общая с преподобным Дионисием.

Преподобный **Макарий** пришел в монастырь еще в отроческом возрасте и был пострижен преподобным Дионисием под именем Макария. Затем по просьбе Дионисия архиепископ Дионисий рукоположил Макария в сан пресвитера. До самой кончины своего наставника Макарий жил при его келье и был свидетелем всех его подвигов, стараясь и сам подражать им. После блаженного Амфилохия он был игуменом Глушицкой лавры и заботился о том, чтобы ничего не было нарушаемо из устава и предания преподобного Дионисия. Мощи его почивают под спудом в Христорождественской церкви Покровского монастыря рядом с преподобным Тарасием. По рукописным святцам преподобный Макарий преставился 13 мая, не ранее 1462 года, так как на его имя есть грамота Ивана III. Служба ему отправляется общая с другими Глушицкими преподобными по древней рукописной монастырской книге.

Преподобный **Тарасий** был игуменом в одной из обителей, устроенных святителем Стефаном в земле Пермской для распространения и утверждения православной веры между зырянами-язычниками, и продолжал его апостольские труды. В 1427 году, уже при втором преемнике Стефана, святителе Герасиме, Тарасий добровольно оставил начальство, находя для себя более полезным быть в подчинении у другого.

Десять лет провел он при жизни преподобного Дионисия и, достигши глубокой старости, преставился в 1440 году. Мощи его находятся под спудом в церкви Рождества Христова в Покровском монастыре под одной ракой с Макарием. Служба им служится общая.

О преподобном **Феодосии** известно только то, что он был учеником преподобного Дионисия и мощи его почивают вблизи мощей Тарасия.

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАХОМИЙ, ИЖЕ НА ЕЗЕРЕ

Преподобный Пахомий начало иноческих трудов своих положил у Спаса на Каменном, где подвизался вместе с Дионисием Глушицким под руководством игумена Дионисия Святогорца. Здесь он близко познакомился с преподобным Дионисием Глушицким, с которым свел духовное дружество. Друзья прожили много лет в различных монастырских послушаниях, смиренном и трудолюбием снискали общую любовь и уважение братии, но, тяготясь почетом и ревнуя о высшем духовном совершенстве, они испросили себе у игумена Дионисия благословение удалиться в пустыню безмолвие и поселились на святой луке в запустевшем монастыре.

Сперва построили они себе хижину для жилья, потом церковь имени святителя Николая и, получив от Ростовского архиепископа Григория благословение на освящение церкви и возобновление монастыря, с радостью занялись богоугодным делом.

Через несколько лет преподобному Дионисию пришла мысль удалиться в пустыню более глубокую и завести в ней общежитие. Пахомий же остался на святой луке, прилагая труды к трудам и имея примером для начавшей уже собираться к нему братии. Но потом и оканчиваются дошедшие до нас шестые о нем сведения, так что мы ничего не можем сказать ни о дальнейших его подвигах, ни о времени блаженной его кончины, ни о месте его погребения.

Николаевский монастырь на святой луке впоследствии был присоединен к Вологодскому Борисоглебскому монастырю, находящемуся на острове реки Сухоны, называемом Глебое, в 10 верстах от Шуйска, а в 1479 году великая княгиня Мария грамотой своей передала его в ведение Спасокаменного, вознаградив за него Борисоглебский монастырь деньгами. Не эта ли присписка Святогорского монастыря к другим и стала причиной того, что до нас дошли сведения о последующей жизни его основателя?

ПРЕПОДОБНЫЙ ФИЛИПП РАБАНГСКИЙ

Блаженный Филипп Рабангский был пострижен в монашество в Глушицах, а затем стал одним из ближайших учеников преподобного Дионисия, которому старался во всем подражать.

В 1437 году он оплакал кончину великого учителя своего, но еще долго оставался в обители, повинаясь преемнику его Амфилохию. Однако впоследствии он пожелал жизни более безмолвной и уединенной. Проходя по лесам и дебрям, он остановился на берегу Рабангской Сухоны при одном ее повороте, где прекрасная местность невольно привлекала к себе его взоры.

Сложив с себя тяжелую ношу, состоящую из необходимых для пустытника вещей, блаженный Филипп после продолжительной и усердной молитвы начал рубить лес для построения небольшой кельи.

Окрестные жители случайно узнали о поселении его в пустыне и понемногу стали собираться к нему любители безмолвия, желавшие сожительства ему. Когда собралось несколько человек братьев, они стали просить блаженного устроить храм и основать общежитие.

Приняв желание братьев за указание Промысла Божия, он отправился в Ростов к архиепископу Ефрему, чтобы испросить у него благословение на построение церкви и обители.

Церковь вскоре была построена и освящена в честь Преображения Господня. Это было в 1447 году. Десять лет пробыл в монастыре игуменом блаженный Филипп. Подробностей о его кончине до нас не дошло. Известно только, что он тихо и мирно скончался 15 ноября 1457 года и погребен был в своей обители близ церкви.

Рабангский монастырь по грамоте царя Ивана Васильевича в 1564 году был снабжен вотчинами, что впоследствии было подтверждено грамотами царя Михаила Федоровича в 1613 и 1618

годах. В 1764 году монастырь был обращен в приходскую церковь.

В древних рукописных святцах память преподобного Филиппа положена 15 ноября.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ НУРОМСКИЙ

Когда слава великого духовного светила преподобного Сергия Радонежского распространилась по всей Руси и достигла затем Царьграда, привлекая в пустынную его обитель множество иноков, желавших учиться у него духовным подвигам, пришел к нему некто Сергий—постриженник святой горы Афонской. Откуда был этот инок Сергий? Что побудило его оставить место своего пострижения, всегда славившееся своим строгим исполнением уставов монастырских? Неизвестно. Преподобный принял странника как искреннего друга и брата любимого.

Оставив через некоторое время Радонежскую пустыню, Сергий направил путь свой к северу и, переходя из леса в лес, достиг Вологодских пределов и остановился на берегу реки Нурмы на горе в дремучем лесу. Долго смотрел путник с возвышенности на холмистую окрестность, раскинувшуюся под его ногами, и на протекающую извилистую Нурму. Затем, сказавши сам себе: «Се покой мой, zde вселюся», пал на колени и со слезами начал молиться Богу, прося Его помощи и благословения. Вставши от молитвы, Сергий водрузил на горе крест, построил малую часовню для молитвы и келью для жительства.

Из любви к пустыне и безмолвию преподобный Сергий расстался со своим великим наставником и вышел из обители Радонежской. И как ни тесен и не прискорбен был избранный им путь, он с радостью шел по нему, терпеливо перенося все пустынные скорби и лишения, утешаясь тем, что неведомо от людей может служить единому Богу. Но со временем молва о строгом отшельнике стала распространяться по окрестностям и к нему начали приходить различные люди, в том числе и иноки, привлеченные из других монастырей славой о его подвижнической жизни.

Старец с любовью принимал всех, приходивших к нему, и они, построив для себя кущи из древесных ветвей, селились около его кельи. Когда собралось до 40 человек, блаженный старец начал думать о сооружении церкви и келий по чину общежительных монастырей. Вскоре был построен небольшой деревянный храм в

честь происхождения древ Святого Креста, кельи для братии и другие необходимые для общежития службы.

В то же время он узнал, что другой великий подвижник, птенец того же святого гнезда Сергиева Павел, живший дотоле в древесном дупле, в глубине обширной Комельской пустыни, поселился на берегах Нурмы, верстах в четырех от его обители. Преподобный Сергей пожелал увидеться с ним. Чудное зрелище представилось ему, когда он в первый раз пришел посетить Павла. Пустышник стоял возле своей кельи, а стаи птиц вились около него, иные сидели у него на голове и на плечах. Он кормил их из своих рук; тут же стоял медведь, ожидая себе пищи от пустышника. И бегали вокруг него лисы и зайцы, не опасаясь одни других и смиренно ожидая своей очереди. Как братья и питомцы одного великого наставника встретились великие подвижники, взаимно приветствовали друг друга. С этой встречи они на всю жизнь сделались друзьями и собеседниками, не делая ничего без взаимного совета.

Преподобный Сергей, уроженец благословенного юга и африканский послушник, после дальних странствий много лет проводит в глухих лесах сурового и негостеприимного севера в посте и непрестанных молитвах, наконец достиг глубокой старости и впал в продолжительную и тяжкую болезнь. Павел, узнавши об этом, пришел в последний раз посетить друга. Горестна для него была разлука со старцем, обливаясь слезами, он целовал охладевшие руки умирающего, прося себе прощения и благословения.

Преподобный Сергей отдал Богу чистую свою душу в день своего тезоименитства 7 октября 1412 года. В древнем рукописном житии преподобного записано 104 чуда, совершившиеся при его гробе. Последнее из них относится к 1653 году. Особенно много получало исцеления у гроба преподобного Сергея из бесноватых и умоисступленных.

Когда именно преподобный Сергей причислен к лику святых, достоверно не известно, но так как в 1583 году над гробом его уже пели молебны, а в 1584 году записано было его житие, в пожалованной же царской грамоте 1585 года он назывался «новоявленным чудотворцем», то, вероятно, причисление его к лику святых последовало на одном из соборов, бывших незадолго пред тем временем в последней половине XVI века.

Житие преподобного Сергея написано в 1584 году при Иване IV, митрополите Данииле и епископе Вологодском и Велико-Черемском Варлааме. Составителем его был Иона, игумен Глушицкого монастыря, писавший житие по запискам Протасия, игумена Павло-Обнорского монастыря. В грамоте Федора Ивановича в 1585 году преподобный Сергей назван новоявленным чудотвор-

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАВЕЛ ОБНОРСКИЙ

Великий угодник Божий и чудотворец Павел Обнорский родился в 1317 году в Москве от богатых и благородных родителей и по тогдашнему времени получил самое лучшее воспитание. Благочестивые родители его ничего не жалели для образования единственного своего сына, готовя в нем верного слугу великому князю и наследника своих многочисленных имений.

Какие родители не желают видеть детей своих пристроенными, женатыми, кому из них не хочется ласкать и любоваться внуками. Что удивительного, что и родители Павла, лишь только он стал подрастать, начали помышлять о его женитьбе и присматривать ему невесту. Когда юноша достиг совершенных лет, то на самом деле приступили к выбору невесты, советуя ему вступить в законный брак. Однако он предпочел их воле волю Божию, указующую ему другое звание. Тайно оставив дом родителей, он удалился на Волгу в Христорожественский монастырь и на 22 году рождения принял на себя иноческое пострижение. Это было в 1388 году при Московском митрополите Феогносте.

В то же время в темных лесах Радонежских уже сиял великий светильник иночества—преподобный Сергей, и слава о его чудесных подвигах и духовной мудрости, обнесившаяся всюду, достигла и берегов Волги. Некоторые из братии, имевшие случай видеть преподобного Сергия, равно и странники, приходившие в Христорожественский монастырь, все единогласно отзывались о нем с величайшей похвалой, сравнивая с древними великими и богоносными отцами. Услышавши о нем, молодой подвижник чрезвычайно обрадовался, как если бы сам небесный Промысл указывал ему на великого учителя, в школе которого он вполне мог изучить высокую мудрость иноческого жития. Испросив себе увольнение у настоятеля, Павел оставил Рождественский монастырь и направился в Радонежские леса, намереваясь совершенно отказаться от своей воли и предаться руководству святого старца.

Преподобный Сергей принял странника с великой любовью и со всем усердием начал руководить его по пути спасения. Мудрый

наставник провел его по всем монастырским послушаниям, от поварни до трапезы, чтобы будущий учредитель общежития во всем приобрел опытность, научил его совершенному отрешению от своей воли и всем иноческим добродетелям. Так что, придя подражать другим, он в деле благочестия сам скоро сделался примером и образцом для многих.

Проведши таким образом среди святого братства немало времени и постоянным бдением своего сердца достигши такого умиления, что из очей его непрестанно изливались источники слез. Павел, чтобы еще более усовершенить себя в подвижничестве, много раз просился у преподобного Сергия на безмолвие и уединение. Богомудрый наставник, видя ревность Павла и утвердившись в его готовности к подвигу, согласился наконец на его просьбу и дозволил ему трудиться для бога по внутреннему своему расположению.

Получивши благословение Сергия, Павел заключился в уединенной келье вне монастыря, из которой не выходил 15 лет. В течение этих лет он так привык к уединению и столь полюбил безмолвие, что смотрел на него как на лучший и надежный путь ко спасению, но тяготился тем, что братия стала ходить к нему для посещения и духовных бесед. Оттого блаженный Павел и решился просить преподобного Сергия, чтобы он благословил его идти в пустыню и совершенно удалиться от людей. Преподобный Сергий отпустил его, всецело уверенный в чистоте и святости его побуждений, и дал ему в благословенне медный крест.

Павел долго странствовал, много обошел мест и пустынь, жил некоторое время в Галичской великой пустыни. После этого он перешел на Городец в Покровский монастырь, а затем устремился на Север. Достигши непроходимого Комельского леса, занимавшего огромное пространство, Павел увидел на берегу реки Грязвицы большое дупло устаревшей липы и, поселившись в нем, три года вел жизнь самую суровую.

По тайному Божию внушению семидесятилетний старец вдруг оставил свое гнездо и перешел на реку Нурму, где ему полюбилось место на полуострове на правом ее берегу, показавшееся ему удобным для безмолвия. Во время своих многократных и продолжительных странствий он много повидал подобных мест, но сердце его никогда при виде их не чувствовало той тихой и мирной радости, какой исполнено было ныне.

Освятив усердной молитвой избранное место, он построил себе хижину, которая была просторнее оставленного им дупла, выкопал близ нее колодец и жизнь его опять потекла в подвигах поста, бдения и молитвы, сопровождаемой слезами умиления.

Преподобный Сергий Нуромский при первой встрече с блаженным Павлом увидел истинно райскую картину: стаи птиц вились

около преподобного Павла, некоторые сидели у него на голове и на плечах, а он кормил их из своих рук. Тут же стоял медведь, ожидая пищи от пустытника; лисицы, зайцы и другие животные бегали вокруг, не опасаясь сильнейших и не нападая друг на друга, но смиренно ожидая своей очереди. Тварь еще не забыла своего первоначального назначения и охотно повиновалась человеку, когда видела, что он достоин того и верен Творцу!

Павел избрал Сергия своим духовником, открывал ему все свои помышления и такое имел к нему уважение, что когда Сергей посещал своего духовного отца, то он провожал его до владений Сергиева монастыря. На том месте, где подвижники расставались, была поставлена часовня. Она находилась в поле у села Пасского.

По преставлении преподобного Сергия Павел взял к себе ученика его Алексия и отправился с ним в Москву к митрополиту Фотию, чтобы просить у него благословение на устройство храма и обители. Тогда многие являлись к владыке с подобными просьбами, одни добивались себе дозволения устроить монастырь для того, чтобы проводить в нем жизнь более достойную и обеспеченную, другие—чтобы выйти из под начальства строгого настоятеля и самим стать начальниками. Поистине, что митрополит Фотий, как строгий инок и блюститель порядка, не мог не относиться к таким посетителям с недоверием и часто должен был отказывать.

Когда явился к нему Павел, то старость, убогий вид, худая одежда и простота обращения не внушили большого доверия к нему со стороны первосвященника, который к тому же был иностранец (грек) и не обладал вполне знанием русского языка. Фотий неблагосклонно принял безвестного просителя, гневно и с предубеждением говорил с ним и отпустил его неудовлетворенным.

Тяжело и горько было пустынику выслушивать несправедливые и обидные слова владыки после того, как он раскрыл перед ним свою душу, но смиренный послушник не возражал и только выходя из митрополичьих келий, объятый ревностью к святому делу, сказал в ответ: «Не так будет, как ты говоришь, владыко, а совершится так, как угодно Пресвятой Троице, избравшей меня, недостойного, орудием к прославлению Ее святого имени».

Сказав то, старец удалился. В следующую ночь странное видение видел святитель и слышал голос: «Зачем ты оскорбил человека Божия? Не знаешь ли, что оскорбляешь самого Христа, благоволившего, чтобы исполнилось то дело? Поспеши найти старца и исполни все по его прошению, иначе много за то пострадаешь».

Фотий всю ночь провел без сна в страхе и сожалении о своей невольной погрешности и утром разослал всех своих служителей, чтобы скорее отыскали и привели к нему пустытника. Посланные нашли его на молитве в одной из московских обителей.

С особенной честью в дверях своей келии встретил его владыка и, испросив прощения в том, что вчера по неведению наговорил ему много оскорбительного, потом попросил рассказать подробно все, чего он желает.

Выслушав желание преподобного и узнав его кроткий и боголюбивый нрав, митрополит благословил его воздвигнуть храм Святой Троицы и устроить общежитие. При этом учительный владыка долго беседовал с ним, дал ему значительный вклад на строение обители и в знак своего уважения к пустыннику принудил его принять для себя собственную его богатую одежду, которую старец вскоре переменял на худшую. Так как Павел, по своему смирению, отказался принять на себя сан священства, то владыка посвятил в священный сан для строяемой обители ученика его Алексея.

По возвращению из Москвы преподобный Павел немедленно начал в пустыне святое дело строения храма, а когда он был сооружен, святитель Фотий прислал с антиминсом поучительную грамоту пустыннику.

Соорудив храм, устроив братские келии, другие необходимые здания и службы, преподобный Павел ввел в новоустроенной обители самый строгий порядок и общежительный устав, который требовал, чтобы в монастыре все было общее и никто не имел бы никакой собственности и не держал в келье ничего излишнего. Каждый должен был трудиться так, чтобы не быть праздным и питаться своими трудами, чтобы иметь возможность помогать другим и давать милостыню. Занимающиеся каким-нибудь рукоделием или особым ремеслом, все, что сделают, обязаны были отдавать в общее хранилище.

Не позволял преподобный иметь в монастыре горячих напитков, ибо они, говорил он, составляют корень всех зол.

Достигши глубокой старости, Павел не ослабевал духом, с любовью и благодарностью к Богу переносил старческие недуги. В 112 лет он все еще был светл и бодр. Перед своей кончиной преподобный Павел приказал созвать к себе в келью всю братию и, лежа на смертном одре своем, долго беседовал с ними, со слезами прося и убеждая их соблюдать отеческое предание и монастырский устав. В самый час отхода пожелал он еще раз причаститься Божественных Таин, потом благословил братию, осенил себя крестным знаменем и в тихой молитве предал Богу святую свою душу.

Кончина его случилась в 1429 году, 10 января. С надгробным пеннем, со слезами и с великим благоговением братия понесли его тело на своих головах чрез пустынные воды Нурмы в церковь и погребли среди своей обители близ храма Живоначальная Троицы.

В январе 1538 года казанские татары полностью разграбили монастырь, лишив жизни многих из его братии. В 1546 году игумену Протасию пришло на мысль поставить над гробом преподобного Павла каменную церковь во имя его и его учителя преподобного Сергия Радонежского, так как от гроба старца происходило много чудес и исцелений, очевидцем которых был Протасий.

В 1547 году собор российских архиереев причислил преподобного Павла к лику святых. Служба ему написана в следующем, 1548 году. При перестройке почти заново всего монастыря церковь над гробом преподобного, построенная игуменом Протасием, была разобрана и вместо нее сооружена новая. Над мощами его в 1878 году была поставлена серебряная рака.

Память преподобного Павла совершается 10 января в день его преставления.

ПРЕПОДОБНЫЙ АЛЕКСАНДР КУШТСКИЙ

Цареградский уроженец и святогорский постриженник Дионисий в бытность свою игуменом на Каменном ввел в нем строгий афонский устав и своей добродетельной жизнью столь прославился в окрестности, что народ толпами устремился на пустынный остров: то помолиться Спасу и от избытков своих снести милостыню на устройство обители и на содержание пустынной братии, то посоветоваться с прозорливым и учительным старцем о душевном спасении и получить от него благословение, а многие и для того, чтобы принять иноческое пострижение и навсегда остаться в обители.

В числе многих пришел однажды и молодой странник из Вологды. Он робко подошел к монахам, стоявшим в монастырских воротах, и, низко поклонившись, испросил у них благословения. «Бог благословит тебя, чадо. Что тебе нужно?»—спросили иноки. Молодой человек ответил, что желает видеть игумена. «Хорошо»,—сказали добрые старцы и повели странника к блаженному игумену Дионисию.

Припав к ногам настоятеля, молодой человек со слезами просил принять его в монастырь и удостоить иноческого пострижения.

«Чадо, подумал ли ты о том, чего просишь? Знаешь ли, что это место весьма скорбно и требует подвигов? Ты еще молод и не перенести тебе всего». Странник отвечал игумену: «Бог всем желает спасения, Он привел меня сюда. Все, что прикажешь, готов я исполнять, сколько сил монахов будет, только Бога ради не отвергай меня от себя».

Видя в молодом человеке такое усердие, игумен не стал более возражать и велел ему служить братии. Молодой послушник с таким усердием начал проходить возложенное на него послушание, что заслужил от всех одобрение и похвалу; сам игумен, предвидя в нем доброго подвижника и избранныка Божию, сократил для него время монастырского искуса и через несколько месяцев

1253261

постриг в монашество, нарекши ему имя Александра вместо Алексия, и поручил его руководству опытного старца.

Много лет провел в монастыре Александр, возрастая и укрепляясь в жизни духовной, и, без всякого сомнения, в это время получил сан священства, как человек, пользовавшийся общим уважением всех иноков в обители. Впоследствии, когда Александр явился в Ростов к архиепископу, то он называл его уже сыном и сослуживником.

Любовь и уважение братии не только не радовали смиренного сердца преподобного Александра, но и приводили его в печаль и смущение. Тяготясь ими, он решился оставить многолюдную обитель, найти пустыню по сердцу своему, где бы он мог беспрепятственно служить единому Богу.

Однажды, под покровом ночи, он, никем не замеченный, удалился из монастыря на северный берег озера и пошел искать себе безмолвное место для жительства. Странствуя несколько дней по лесам и дебрям и все более удаляясь от озера, он пришел на реку Сянжему, где был густой лес и озера. Здесь понравилась ему одно место, со всех сторон окруженное болотами. Полагая, что вблизи нет селений и оно никем не посещается, преподобный Александр поставил себе тут малую келью и стал проводить жизнь в молитвах и в крайнем лишении, радуясь тому, что может жить в совершенном безмолвии и уединении.

Но через некоторое время стали приходиться к нему люди и, изумляясь жизни пустычника, благодарили Бога за то, что в их стороне явился такой подвижник. Любитель безмолвия и смирения ужаснулся молвы и людской славы и удалился от избранного им места к берегам Кубенского озера, надеясь тут найти себе более пустынное и безмолвное место. Здесь, в устье реки Кубены, среди непроходимых болот, жил в то время преподобный Евфимий, подвизаясь в молитве и совершенном уединении. Александр слышал о нем еще в монастыре от братии и теперь, проходя по лесам, нечаянно пришел к пустынной его келье. Обрадовались пустычники, увидев друг друга, и как единоплавающие, стремившиеся к одной и той же цели, немало дней и ночей провели вместе в молитвах и духовных беседах, пользуя друг друга своими опытами и наблюдениями. Преподобному Александру понравилось местожительство Евфимиево и он не скрыл от своего духовного брата запавшее в его сердце желание и просил преподобного Евфимия уступить келью, предлагая ему взамен свою, оставленную им на Сянжеме. Блаженный Евфимий принял желание брата за указание промысла Божия, и он охотно согласился на предложение Александра.

Оставшись один, преподобный Александр не долго прожил в излюбленной им келье Евфимия. Горячему любителю пустыни и уединения показалось, что занимаемое им побережье очень удоб-

но для устройства обители и хорошо бы тут построить храм и собрать братство. Прошедши еще ближе к озеру, неподалеку от устья речки Кушты преподобный водрузил крест, который носил всегда с собой. Построив себе близ креста малую келью, преподобный Александр переселился в нее из кельи Евфимия и начал еще более изнурять плоть свою постом, молитвою и непрестанными трудами, рубил лес, очищал место для будущей обители и, за неимением земледельческих орудий, лопатою вскапывая землю под посев ячменя (яровос жито) для своего скудного пропитания. Ибо пищей его был только сухой хлеб и вода, да и то в малой мере. Немало терпел он и от духов нечистых, доколе не прогнал их от себя силою крестной.

Спустя некоторое время пришел к нему в уединение один старец, которого он с радостью принял и упросил остаться с ним вместе. Пять лет прожили они вдвоем в пустынных трудах, изнуряя тело и очищая и укрепляя душу. Когда пришел к ним еще один брат, преподобный Александр сказал: «Братия, Господь обещал невидимо пребывать там, где соберутся во имя Его два или три. Вот нас уже трое. Хотелось бы мне на этом пустынном месте, если будет на то воля Божия, построить церковь».

Преподобный Александр отправился в Ростов к бывшему игумену своему, а тогда уже архиепископу Дионисию, и благочестивый архипастырь с отеческою любовью принял своего послушника и не только благословил его устроить на избранном месте храм и монастырь, но и снабдил его всем необходимым для устройства и освящения церкви.

Получивши благословение архипастыря, преподобный Александр возвратился в свою пустыню и немедленно приступил к построению храма в честь Успения Божней Матери. В то время Заозерьем владел князь Димитрий Васильевич, происходивший из второй династии ярославских князей и живший в деревне Чиркове, верстах в трех от пустынной кельи Александра. Он рад был тому, что в его отчине являются подвижники и поспешил дать старцу все нужное для строения обители, а супруга его княгиня Мария украсила новоустроенную церковь святыми иконами и дала папрестольное Евангелие—апракос. Следуя их примеру, боярин Василий отдал преподобному свою деревню Колябино на речке Куште на помни своей души.

При помощи таких доброхотных дателей и при неусыпных трудах преподобного Александра церковь была вскоре построена и освящена к великой радости пустынников. Сделано было также все необходимое для небольшого монастырского общежития.

Когда князь Заозерский уехал в Ярославль на войну, татары напали на его отчину, опустошили села в устье реки Кубены, а пятеро из них прискакали и в обитель Александрову. Спокойно

встретил их преподобный и осенил крестом, и враги креста пали, как мертвые. Они пролежали без чувств несколько часов, пока преподобный не пробудил их от омертвления именем Живоначальной Троицы, после чего они тотчас же удалились из обители, благодаря и прославляя милосердие старца.

С самых первых дней прибытия своего в Каменный монастырь он проводил жизнь в посте и молитве, трудясь всегда с таким юношеским жаром, как будто он еще только начинал трудиться и служить Богу. Достигши глубокой старости, он стал изнемогать телом. Однажды в воскресенье он в последний раз совершил Божественную литургию и причастился святых Христовых Таин. После окончания службы он, ставши перед иконой Спасителя, с глубоким смирением и слезами стал молить Господа, чтобы Он не помянул его согрешений и принял в свои вечные обители. Потом, павши на колена перед иконою Богородицы, со слезами просил Ее быть заступницей и покровом обители, посвященной Ее имени. По окончании молитвы смиренно просил братию поминать душу его в своих молитвах и, простившись со всеми, ушел в свою келью. На следующий день поутру безболезненно и мирно скончался, имея от роду 68 лет. Это было 9 июня 1439 года.

Святое тело преподобного было положено, по его завещанию, у полуденной стороны алтаря созданной им церкви.

В древнем рукописном житии преподобного Александра записано 20 чудес, совершившихся при его гробе, из которых последнее относится к 1573 году.

ПРЕПОДОБНЫЙ ГРИГОРИЙ ПЕЛЬШЕМСКИЙ

Преподобный Григорий родился около середины XIV века в городе Галиче. Происходил он из дворянской фамилии Лопотовых. Родители воспитали его в строгом благочестии и постарались дать ему возможно лучшее по тому времени образование. Чистое сердце отрока рано возгорелось любовью к Богу. С самых юных лет, избегая мира и чуждаясь всех его удовольствий, он начал думать единственно о спасении души своей. С честью похоронив родителей, молодой боярин скоро распорядился своим богатым наследством: наделил челядь землею и именем, деньги роздал нищим, а сам, не оставив себе ничего, пошел в монастырь Богоматери, находившийся близ Галичского озера.

Пришедши в обитель, Григорий пал в ноги архимандриту, усердно прося себе пострижения. Настоятель, видя усердие в молодом боярине и тронутый его неотступными просьбами, принял юношу в монастырь, велел постричь его в мантию и поручил опытному руководителю. Всегда кроткий и молчаливый, ко всем имея любовь, он старался услужить каждому. Когда не было другого дела, усердно читал отеческие книги, стараясь вникать в их смысл и на самом деле исполнять написанное. Такая строгая жизнь не могла не обратить на Григория внимания духовного начальства. Поэтому, когда он достиг узаконенных лет, был возведен в сан священства, а потом поставлен игуменом обители. Сам владетельный князь Галичский Юрий Дмитриевич, брат великого князя Василия, такое имел к нему уважение, что за честь считал для себя знакомство с ним и упросил его быть приемником двух сыновей своих.

Неизвестно, сколько лет провел преподобный Григорий в Галичском монастыре, но чем долее жил в нем, тем чаще стало приходить ему на мысль удалиться от него в такое место, где бы никто не знал его и где бы он мог жить в совершенном безмолвии. Тяготясь своей известностью и близостью к родным, после долгой молитвы о том, чтобы Сам Бог направил его на путь, оставил

обитель своей родины и отправился в Ростов, славившийся множеством святых и обителей. Поклонившись мощам святителя Леонтия и другим святыням и посетив ростовские церкви и монастыри, он пришел в находившийся вне города монастырь преподобного Авраамия. Путнику понравился монастырский порядок, безмолвная и уединенная жизнь братии и он, решившись навсегда остаться здесь, выпросил у настоятеля келью. Скоро его жизнь сделалась примером и назиданием для братии, молва о подвигах пришельца разнеслась по всему городу и дошла до слуха самого архиепископа. Архиепископом Ростовским был в то время блаженный Дионисий Святогорец, долгое время бывший игуменом Спасокаменного монастыря.

Узнавши лично преподобного Григория, владыка Дионисий, когда пришли к нему иноки Спасского монастыря с Песков просить себе настоятеля, предложил архимандрию преподобному Григорию. Долго отрекался преподобный от такой высокой чести, указывая на свое недостойнство, ибо истинные подвижники чем более возвышаются на пути добродетели, тем более смиряются и находят в себе недостатки. Но архиепископ Дионисий к словам совета и убеждения присовокупил и повеление, сказав Григорию: «Чадо, лучше повиноваться и исполнить волю нашу в послушании, нежели ослушаться нашего смирения и лишиться благословения».

Приняв сан и начальство, новый архимандрит ввел в своем монастыре самый строгий порядок и общежительный устав, стараясь назидать братию не только словом, но и собственным примером. Ставши архимандритом только из послушания воле архипастыря и проведши в монастыре два года в непрестанных трудах и подвигах поста и молитвы, преподобный Григорий не оставил мысли своей о пустынножительстве. Будучи не в силах побороть своего желания и зная, что братия будут упрашивать его остаться и архиепископ никогда не согласится отпустить, он решился тайно оставить монастырь. Дождавшись ночи, преподобный Григорий вышел из своего монастыря и направился к северу, в страну для него неизвестную, усердно моля Матерь Божию быть ему путеводительницей и возлагая на нее всю свою надежду.

Пришедши в Вологду, он долго ходил по окрестным лесам и пустыням, отыскивая себе место, где бы поселиться и работать Богу. Скитаясь по непроходимым дебрям и болотам, он дошел до монастыря преподобного Дионисия Глушицкого, где утомленного путника приняли как дорогого гостя. Пробывши в Глушицком монастыре несколько дней и присмотревшись к жизни братии и уставу монастыря, преподобный Григорий решился навсегда остаться в нем и стал просить себе келью у преподобного Дионисия. Пустынный авва поместил пришельца в своем любимом Сосновце, при церкви Иоанна Крестителя, где и сам проводил большую

часть своего времени.

Но пробыв в Сосновце несколько лет, как пловец в тихой пристани, он почувствовал в сердце своем новое, неизвестное ему прежде желание—трудиться не для себя только, но послужить спасению и других. И вот однажды с крестом на плечах и молитвою на устах вышел преподобный Григорий из Сосновца и направил путь свой к восточной стороне от Глушицкого монастыря, в места ему совершенно неизвестные. Идя лесами и болотами, к вечеру достиг он пустынных берегов реки Сухоны и, утружденный путешествием, расположился тут ночевать, непрестанно думая о том, как найти ему место удобное для пребывания иноческого.

Ночью, сквозь сон, он услышал за рекою как бы звон колокола и, пробудившись, начал усердно молиться Господу и Его Пречистой Матери, чтобы указано было ему то вожделенное место, где ему предназначено пребывать. Пробывши в молитве до рассвета, преподобный Григорий переправился на другой берег реки, откуда был слышен звон, и через леса и болота дошел до реки Пельшмы, впадающей в Сухону. Здесь преподобный останавливается, обозревает местность и водружает крест на левом берегу Пельшмы, преклоняет перед ним колена и возносит усердную молитву Богу, чтобы Он благословил его на этом месте основать храм и обитель иноческую в прославление имени Божией Матери и для спасения душ христианских.

Избравши место, преподобный Григорий прежде всего поставил для себя малую хижину и стал день и ночь подвизаться в молитве и псалмопении, в совершенном уединении и безмолвии. Понемногу и исподволь он заботился и о том, что было необходимо для устройства обители: очищал место от леса и кустарника, осушал его канавами, рубил лес на постройку и запасал другие, нужные к тому материалы.

Спустя некоторое время пришел к нему один священник по имени Алексей, желая с ним сожительствовать и прося себе пострижения. Почитая прибытие его знаком благоволения Божия и началом исполнения своего сердечного желания, преподобный с великой радостью принял пришельца и назвал его при пострижении Александром. Он рассказал ему о своем намерении построить на избранном месте общежительный монастырь. В убогой и тесной своей хижине они вместе стали совершать молитвословия, проводя ночи в бдении и псалмопении, а дни в трудах. Через некоторое время стали приходиться к ним когда один, когда два, желающие с ними сожительствовать. Мало-помалу собралось порядочное число иноков и составилось общежитие. Видя, что довольно уже собралось братии и настало время приступить к сооружению храма и обители, преподобный Григорий послал одного из учеников своих в соседнее село Пельшму к благочестивому и богатому по-

селянину Мартину и его соседям просить плотников и помощи для строения. Обрадовались добрые поселяне, что в соседстве их поселился такой старец и хочет строить монастырь, и тотчас же прислали ему работников.

Рад был старец, успокоивши своих сподвижников касательно необходимого им помещения. Оставалось еще испросить благословения архиерея на постройку и освящение храма, чтобы исполнилось сердечное пожелание преподобного и избранное им пустынное место сделалось обителью иноческою. С этой целью преподобный Григорий немедленно отправился в Ростов. Там он не застал уже в живых знакомого ему архиепископа Дионисия, на ростовской кафедре восседал уже новый архиепископ Ефрем, владыка заботливый и учительный. Святитель благословил устройство храма и обители и поручил Григорию настоятельствовать в ней, но вместе с тем потребовал, чтобы Григорий учредил общежитие.

Возвратившись с архипастырским благословением в свою пустынь, преподобный немедленно приступил к построению церкви, трапезы и разных необходимых для общежития служб. При единомышленном старании братии вскоре все было окончено.

Преподобный Григорий был искусным каллиграфом. Он списывал для своей обители разные священные книги, которые долго сохранялись в ней и после его кончины. Списывание священных книг было для преподобного, как и вообще для иноков, священным делом. Они служили через это делу религиозного просвещения жителей в пределах вологодских в то время, когда здесь не существовало еще никаких школ. Под влиянием наставления преподобного Григория, отеческого его руководства и неусыпных трудов, скоро обитель его стала процветать братскою любовью, смирением и совершенным нестяжением. Ничего не делалось в ней без благословения настоятеля, никто не смел ничего называть своим, но все было общее. Блаженный старец сам подавал всем пример строгого исполнения монастырского устава и постоянно поучал братию, напоминая им час смертный и убеждая терпеливо переносить лишения и труды пустынные.

Давно, еще в молодых годах, блаженный старец отрекся от мира и старался никогда не думать о нем, заботясь только об угождении Богу и спасении своей души. Но чье сердце горело пламенной любовью к Богу, тот не мог не скорбеть о множестве убийств и кровопролитий, сопровождавших междоусобную войну князей.

В апреле 1433 года удельный князь Галичский Юрий Дмитриевич, кум преподобного Григория и дядя великого князя Василия Васильевича, овладел великокняжеским престолом, изгнав племянника из Москвы в Коломну. Когда весть о том дошла до

пустыни преподобного Григория, то он столько был тронут и огорчен ею, что тотчас же решился обличить честолюбца и с посохом странника немедленно отправился в дальний путь. Достигши Москвы, убеленный сединами старец неожиданно явился в великокняжеский дворец и, подобно древним вдохновенным пророкам, начал обличать своего кума во властолюбии и неправде. Его речь была так сильна, просьбы так убедительны, что Юрий, человек начитанный в книгах и всегда глубоко уважавший иноков, не смел его послушаться и возвратился в Галич.

Великий же князь Василий Васильевич не знал, как и благодарить его за подвиг умиротворения, с дарами и честью он отпустил его в монастырь. Но честолюбивый князь Галичский скоро забыл советы и увещания своего кума и снова вооружился на племянника.

В 1434 году, в зимнее время, сын его Дмитрий Шемяка стал опустошать вологодскую страну, принадлежавшую Москве. Жители должны были бегством спасать свою жизнь, скитаться в лесах, не зная, где преклонить голову. Немало погибло их от меча галичан, от холода и голода во время бегства. Толпа за толпой, оглашая воздух рыданиями, приходили к преподобному в монастырь, прося себе пищи и пристанища. Преподобный с любовью принимал и кормил всех. Братия, слушая рассказы бежавших о жестокостях и бесчинствах, творимых войсками Шемяки, проливали слезы. Не утерпело сердце и самого преподобного Григория: воспламененный святой ревностью, он снова берет в руки страннический посох и отправляется к Шемяке.

— Князь Дмитрий,—говорил пустынный,—разве ты не знаешь, что суд без милости не сотворившему милости? Ты творишь такие дела, каких не делают и язычники, не знающие Бога; а ты князь православной веры и воюешь свою русь. Сколько от тебя гибнет людей и голодом и стужею! Их вдовы и сироты вопиют на тебя пред Богом. Он отомстит тебе за их обиды, и если вскоре не прекратишь кровопролития и насильств, то сам скоро лишишься и славы и княжения.

Взбешенный Шемяка приказал сбросить старца с моста. Сильно разбитый преподобный несколько часов лежал без чувств. Когда он пришел в себя, то сказал окружавшим его: «У немилостивого князя и слуги немилостивы, но несчастье—они скоро погибнут, ибо, как сказано, тот сам впадет в яму, кто роет ее другим».

Возблагодарив Бога за случившееся, преподобный тихо побрел к своей обители. Шемяка, как ни был черств и ожесточен, уступил однако обличениям старца, услышав о его святой жизни. В полночь, когда он лег спать, пришли ему на память грозные,

пророческие слова старца и на сердце его нашел такой страх и трепет, что до утра он не мог сомкнуть глаз. На другой день он отступил от Вологды и возвратился в Галич.

Мужественное ходатайство преподобного за несчастных пред Шемякою еще более усилило к нему уважение народа. Многие из отдаленных мест приходили в монастырь для того только, чтобы видеть мужественного и самоотверженного защитника народа, послушать его отеческие наставления и получить благословение.

Пятнадцать лет подвизался преподобный Григорий в Пельшме в своей пустынной обители, успевшей за это время прекрасно устроиться во всех отношениях. Но годы шли и 30 сентября 1441 года преподобный тихо и безболезненно предал свою душу Богу.

Мощи преподобного Григория положены были близ церкви собора Богородицы по правую сторону алтаря. Над гробом его поставлены были иконы Спасителя и Божией Матери для поклонения приходящим, ибо много совершалось тут исцелений.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАСАФ КАМЕНСКИЙ

На Кубенском озере, неподалёку от северо-западного его берега, находится маленький остров, не имеющий даже и одной десятины пространства, называемый Каменным. Эта горсть земли как будто для того именно и брошена природой в бурные волны озера на самом опасном месте, чтобы служить почти единственным удобным пристанищем для плавающих.

Небезынтересен Каменный и для любителей отечественной истории. Здесь 6 августа 1260 года обрел себе спасение от бури князь Глеб Васильевич и в благодарность Богу за свое спасение построил храм Спаса Преображения, давший название всему острову.

Отправившись отсюда, он приказал прорыть каналы на реках Сухоне и Вологде и тем положил начало улучшению естественных путей сообщения в то время, когда еще никто не думал о том, в Европе. Здесь Василий Темный нашел себе дорогу к потерянному им великокняжескому престолу, а юный Иван III, возвратившись из Кокшеньги, благодарил Бога и праздновал свою победу над войсками Шемяки. Брат его Андрей Васильевич, единственный князь, называвшийся Вологодским, в 1481 году построил первый за Вологдой каменный храм Преображения, доставляя для того кирпич из Твери и Старицы. В 1528 году приезжал на Каменный великий князь Василий Иванович со второй своей супругой Еленой, он дал денег на построение теплой церкви, прося у братии исходатайствовать ему у Бога наследника. Сын его Иван Грозный также оказывал свое благоволение Каменному, дал жалованную грамоту, послал колокол, но сам не был в монастыре по причине непогоды на озере, хотя во время своего путешествия по вологодским монастырям был недалеко от него, в селе Устье. Надо полагать, что и Петр I, когда был на Кубенском озере для исследования его глубины и удобства для навигации, тоже бывал на нем, как лучшей пристани на озере.

Но несравненно выше и важнее значение Каменного монастыря в духовно-правственном отношении: еще более знаменит и славен он жизнью и подвигами своих иноков.

Как только Каменный остров делается известным истории, мы видим на нем 23 старца, много лет подвизавшихся в обращении к Христу карельских и чудских языческих племен, обитавших на северо-восточном берегу озера. Старцы были столь смиренны, столь нищи духом и телом, что не имели даже церкви и совершали свои молитвы в малой и бедной часовне, стараясь не об устройстве вещественного храма, а о том, чтобы им самим сделаться живыми, одушевленными храмами Святого Духа.

И после блаженной кончины преподобных первоначальников-основателей обители были в ней люди, проникнутые их духом, — святые подвижники, верные обетам иночества. В княжение Дмитрия Донского пришел в Москву из Царьграда афонский подвижник Дионисий, который был благосклонно принят великим князем и получил от него для жительства келью в московском Богоявленском монастыре, а как вскоре после того пришли в Москву старцы Спасо-Каменского монастыря просить себе игумена, то великий князь и послал им в игумены святогорца.

Много лет Дионисий управлял обителью, изнурял тело свое непрестанными трудами и постом, непрестанно назидая братию своею подвижнической жизнью и учением. Он благолепно украсил церкви святыми иконами, обогатил книгами и прочей церковной утварью, устроил все необходимое для общежития и ввел в монастыре строгий устав святой горы, которым, между прочим, запрещается вход в него лицам женского пола.

«И приходяше слава о нем повсюду, даже и до самодержца и стекахуся к нему от всюду, хотяще сожителствовати с ним, ревнующе доброму произволению его и братии множество собра», — говорит Паисий Ярославов в своем сказании о начале Каменного монастыря.

От его руки, в числе других, приняли послушание под его отеческим руководством начали подвизаться и много лет служили украшением братии преподобные Дионисий Глушицкий, Пахомий Святолуцкий, Александр Куштский и Евфимий Сянжемский, пока не достигли зрелости духовного возраста и сами не сделались основателями новых обителей.

В начале XV века игумен Дионисий рукоположен был в архиепископа Ростовского, там скончался и погребен, оставив по себе святую память.

В половине того же века на пустынном Каменном острове воссиял новый духовный светильник игумен Кассиан. Приняв пострижение на Каменном, он в молодости для лучшего изучения иноче-

ской жизни, путешествовал по монастырям, славившимся строгостью уставов, благочестием и подвигами иноков, отовсюду извлекал полезное для своей души.

С этой целью еще при жизни преподобного Кирилла он побывал на Белоозере, долго оставался в его монастыре и с таким усердием старался во всем подражать великому наставнику Кириллу, что впоследствии избран был братиею в игумена. По своим добродетелям он скоро стал известен великому князю Василию Васильевичу и митрополиту Ионе. Как самый способный и благонадежный, он дважды был посылаем им в Царьград к патриарху по делам церковным. Но и среди шума столицы, при внимании и почестях от государя и первосвятителей не мог забыть преподобный места своего пострижения и сердце его постоянно стремилось к тишине пустынного острова. Поэтому, исправив данные ему поручения, он просил государя и митрополита отпустить его на Каменный. Просьба его была исполнена: он с честью, со многими дарами для обители отпущен был туда игуменом.

Прибыв на Каменный, преподобный Кассиан, несмотря на свои преклонные лета, изнуренное трудами и путешествиями здоровье, не предался покою и отдохновению, но с неутомимой ревностью принял за управление многолюдной обителью. Достигши глубокой старости и предчувствуя свою кончину, он причастился Святых Таин, преподал братии мир и благословение, и тихо и мирно скончался. Это произошло при великом князе Иване Васильевиче около 1460 года.

Но всех более прославил Каменный монастырь преподобный Иоасаф Каменский, знаменитый по своему высокому происхождению и еще более славный по высоте своих добродетелей и равноапостольской жизни. Только пять лет продолжались его иноческие подвиги, да и вся его жизнь была так непродолжительна, что он не достиг даже зрелого возраста.

Преподобный Иоасаф был сын Димитрия Васильевича, владетельного князя Заозерского, одного из потомков святого Феодора Ростиславовича Черного, князя Смоленского и Ярославского. Правнук святого Феодора Ярославский князь Василий Васильевич, современник и сподвижник Донского на Куликовской битве, оставил после себя пятерых сыновей — Иоанна, Феодора, Симеона, Димитрия и Воина. При разделе братьями отцовского наследия Симеон получил в удел волость Новленскую, а Димитрий — земли около Кубенского озера. На северном берегу его, неподалеку от устья реки Кубены, на возвышенной и красивой местности находились терема и палаты князя Димитрия Васильевича, по месту жительства называвшегося Заозерским. Предки его, князя Ярославского дома, славились благочестием и набожностью, любили строить церкви и монастыри, уважали и почитали духовенст-

во, да и сами нередко постригались в монашество. Таков был родитель Иоасафа благоверный князь Димитрий Васильевич.

Тяжело было для России тогдашнее время: народ страдал то от недорода, то от мора и поветрия, то князья ссорились между собой и производили кровопролития. Часто приходили татары, жгли и грабили города и селения, особенно в местах пограничных. Впрочем, Заозерский князь в своих отдаленных владениях, защищенных непроходимыми лесами и болотами, не испытывал ничего подобного.

Но в 1429 году казанские татары внезапно напали на Кострому и Галич, затем, рассыпавшись по окрестностям, далеко распространили свои грабежи и убийства, сжигая селения и уводя в плен жителей. При первом известии о набеге татар князь Димитрий со своей дружиной немедленно отправился в Ярославль для защиты своей отчины и пал в битве с неверными на Туговой горе.

Узнав об удалении из дома князя с дружиной, толпа грабителей сделала нападение на собственные его села и деревни по берегам реки Кубены, предавая все огню и мечу. Благочестивая княгиня Мария встретила внезапно разразившееся над нею бедствие с совершенной преданностью воле Божией и с истинно христианским терпением. Оказавши помощь разоренным жителям, она обратила все свое внимание воспитанию малолетних детей своих.

Когда старший сын ее Симеон достиг надлежащего возраста, попечительная мать его женила у князя Ивана Дея, который дал в придачу за дочь Кубену, через что значительно увеличились владения князей Заозерских. Дочь свою Софью Мария выдала за князя Димитрия Юрьевича Шемяку, думая, что родство с богатым и сильным князем Галичским будет полезно ее сыновьям, доставит им защиту и покровительство. К сожалению, впоследствии случилось совсем наоборот. Менее всех детей удалось воспользоваться заботами матери меньшему сыну Андрею. Он остался после отца грудным младенцем, а во время кончины матери находился еще в детском возрасте. Сделавшись нездоровой, сердобольная мать посылала к преподобному Александру Куштскому просить его молитв о своем выздоровлении. Но блаженный пустынный, за двадцать дней предузнав ее кончину, отвечал ей советом готовиться к вечности. Мария скончалась и была погребена в Ярославле. Юный Андрей остался круглым сиротой, но бодрствовал над ним Промысл Божий. Он вел своего избранника к предназначенной ему цели, невидимо руководя всеми обстоятельствами и переменами в его жизни. Находя отраду и утешение только в чтении священных книг, он стал удаляться от общества и чувствовать отвращение к мирской жизни.

Такому настроению духа юного князя во многом способствовали обстоятельства, постигшие семейство и совершенно изменив-

шие его положение. Великий князь Василий Васильевич Темный, показавший себя истинно великим, когда надобно было защищать и охранять Православие, не был таковым всегда и не имел столько великодушия и справедливости, чтобы за вину одного не гневаться на других и не мстить родственникам своего врага, ни в чем против него не виноватым. За то только, что сестра Заозерских князей Софья находилась в супружестве с Шемякой, великий князь в 1447 году отнял у Заозерских князей все их наследственные и благоприобретенные вотчины и одну половину их отдал Можайскому князю Михаилу Андреевичу, а другую—брату его Ивану. Таким образом сыновья князя Дмитрия перестали быть владетельными князьями Заозерскими и потеряли все свое богатство и имение. Этот поступок Темного слишком тяжел был для князей Симеона и Феодора и не мог не возбуждать в их сердцах неприязненных чувств к великому князю. Князь же Андрей в поступке великого князя видел новое для себя доказательство непрочности земных благ и суетности мирской жизни, видел новое побуждение немедленно приступить к исполнению давно таившегося в его сердце желания посвятить себя жизни иноческой.

В то время, когда князь Андрей решил удалиться от мира и посвятить себя иноческой жизни, неподалеку от места его жительства были уже монастыри Глушицкий и Куштский, построенные при содействии его родителей и на земле, им принадлежащей. Но лучшим убежищем для молодого князя, желавшего порвать все связи с миром, представлялся древний Спасо-Каменный монастырь, отделенный от мира волнами бурного озера и славившийся строгостью устава и добродетельной жизнью своего игумена Кассиана, старца опытного и прозорливого. Поэтому он отправился туда и стал просить игумена о принятии его в монастырь и о пострижении в иноческий чин.

Игумен Кассиан не только принял его в монастырь, но и сократил для него урочное время монастырского искуса. После многих бесед и назиданий в продолжение нескольких дней игумен облек Андрея в иночество, назвавши его при пострижении Иоасафом и поручил его руководству духовного старца Григория.

Четыре года провел преподобный Иоасаф в Спасо-Каменном монастыре в подвигах иноческих, не выходя из кельи далее церкви и трапезы. По мере того, как он усиливал свои труды, очищалось его умное зрение, сердце его все более и более возгоралось любовью к Богу, так что молитва сделалась для него уже не делом, а необходимой потребностью души. В последний год своей жизни он вкушал пищу только по воскресным дням после приобщения Святых Таин, всю неделю пребывая в посте. Блаженный Иоасаф как бы предчувствовал, что ему недолго остается жить на

земле, торопился делать добро и спешил вместить в себе все добродетели.

К концу пятого года пребывания в монастыре он сильно ослаб здоровьем и не мог сам выходить из кельи. По всему видно было, что жизнь в нем догорала и дни его уже были сочтены. Но и теперь, при самых сильных страданиях не стоны и жалобы, а молитвы и благодарения слышались из уст его.

Чистая и святая душа его отлетела к Богу 10 сентября 1453 года.

Услышавши о преставлении преподобного Иоасафа, множество народа собралось в монастыре к его погребению и многие больные тогда же получили исцеление от прикосновения к его гробу. С того времени от нетленных мошей его, как от неисчерпаемого источника, потекли благодатные чудеса и исцеления всем, с верою к нему притекавшим.

В 1650 году, по благословию Маркелла, архиепископа Вологодского и Великоустюжского, устроена была гробница в каменной Преображенской церкви у южных врат возле стены, в которую перенесены были из-под престола мощи преподобного Иоасафа. После пожара 24 июля 1774 года, когда Каменный монастырь был закрыт, а братство переведено в вологодский Духов монастырь, названный с этого времени Спасо-Каменным, сюда же были перенесены и мощи преподобного Иоасафа, спасенные от пламени.

В настоящее время ковчег с мощами преподобного находится в кафедральном соборе в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Вологде.

СВЯТЫЕ ГЕРАСИМ, ПИТИРИМ И ИОНА, ЕПИСКОПЫ ПЕРМСКИЕ

Как православная церковь греческая установила совокупное торжество трем своим великим святителям, хотя они жили не в одно и то же время и скончались в разных местах, так и древняя церковь пермская, подражая греческой и царствующему граду Москве, празднующей в один день трем своим иерархам—29 января, накануне праздника вселенских учителей вспоминает и прославляет подвиги трех своих архипастырей— Герасима, Питирима и Ионы. Прославляет вместе потому, что они преемственно один после другого доканчивали апостольские труды великого просветителя Перми Стефана.

Более полувека продолжались их святительские подвиги, для двоих из них кончившиеся мученической смертью. Как поставленные во главе своей паствы, высокие по жизни и образованию пермские владыки пользовались всеобщим уважением современников, но несмотря на отдаленность их епархии часто были вызываемы в Москву и принимали немаловажное участие во всех важных церковных делах. При этом о жизни и подвигах их мы можем сказать весьма немногое. Не известны ни род и происхождение, ни время и место пострижения в монашество, ни подробности их епархиального управления и келейной жизни. О первом из них, святителе Герасиме, у современных летописцев нет даже указания на то, когда он был поставлен в епископа и когда скончался.

Неизвестно, что было причиной такого непонятного ощущения летописцев, если не приписать того отдаленности места действия и подвигов святителей от тогдашних центров письменности, тогдашней неурядице в России, особенно же бедственному положению Перми, почти постоянно подвергавшейся нападениям и от своих и от чужих. Грабежи и злодейства новгородских ушкуйников и вятчан, татар и вогулчей, Асыки и Шемяки были громче и более обращали на себя внимание летописцев, нежели пастырские труды и подвиги смиренных епископов, старавшихся по слову евангельскому, скрывать свои добродетели.

Мощи этих трех святителей помещены были под одною ракой в Усть-Вымской Благовещенской церкви, которая была их кафедральным собором. Под гробницею их находилась икона в серебряном басманном окладе, изображавшая святителей во весь рост со следующей надписью: «Л. 7115(1607) м. Июня в 8 день, при великом госуд. царе и в. кн. Василии Ивановиче, всея Руси самодержце и при святейшем Ермогене, патриархе московском, написан бысть сей св. образ трех святителей Герасима, Питирима и Ионы, в славу св. Троицы, Отца и Сына и св. Духа, повелением их, смиренным епископом Иоасафом вологодским и великопермским и положен бысть сей образ на гробнице их великих чудотворцев, Герасима, Питирима и Ионы».

Память святителей благоговейно чтится 29 января с того времени, как по соборному определению патриарха Гермогена и по велению царя Василия Ивановича Шуйского, написана их икона и установлено празднование.

Преемником святого Стефана Пермского был епископ Исаакий, который в 1416 году удалился на покой. Преемником Исаакия стал блаженный Герасим, но откуда он был родом, когда и где поступил в монашество, когда и где посвящен в епископа и когда прибыл в Пермь,—неизвестно. Древнее местное предание говорит о нем только то, что он был святой жизни, старался глубже укоренить в сердцах народа православную веру, не жалея для того ни трудов своих, ни здоровья, так что митрополит Фотий (в 1429 году) мог сказать о Перми: «Ныне страна чисто и православно совершает службу Божию по закону христианскому».

В 1438 году мы видим блаженного Герасима на Московском соборе, на котором осужден был предатель православия Исидор. В 1441 году он снова был вызван туда же для постановления соборного решения ставить русского митрополита собором русских архiereев. Это показывает, как современники дорожили мнением пермского святителя и какое к нему имели уважение.

В последние годы жизни святителя Герасима положение Перми сделалось самым затруднительным: в одно и то же время она должна была защищаться от различных врагов, далеко превосходящих ее силами и нападавших на нее с противоположных сторон. Самыми опасными у них были вогуличи, часто злодействовавшие в верхневыхгодских селениях и постоянно старавшиеся вредить зырянам в торговле и промыслах. Занятые домашними неурядицами и ссорами между собой, они несколько лет не тревожили зырян, но когда раздор и междоусобия между ними кончились смертью многих диких царьков, один из них, Асыка, сделался могущественным и грозным властелином всех оседлых и бродячих вогуличей. Вот тогда-то Пермь и столкнулась с таким врагом, который в течение полувека был бичом и страшилищем для зырян.

Не столь опасными казались другие враги—неугомонные новгородские ушкуйники и вятчане, возбуждаемые только жаждою добычи, а не племенной враждой. Новгородцы грабили нижневолжские селения, а вятчане—по рекам Лузе и Сыsole.

Как попечительный отец, блаженный пастырь употребил все свое влияние на защиту обиженных. Не щадя собственных средств и сам подвергаясь опасности, он странствовал по Перми из конца в конец, одушевляя своих овец, расхищаемых кровожадными волками. Новгородцы и вятчане, тронутые его просьбами и увещаниями, возвратили жителям все отнятое у них и из уважения к маститому старцу сделали богатые вклады в пермские церкви и монастыри. Блаженный Герасим до того простер свою заботу о пользе паствы, что решился явиться в стан жестоких и грубых вогуличей. И несмотря на свирепость их начальника Асыки, просьбы и убеждения святителя подействовали на дикарей и они удалились в свои места. Ревностный пастырь, занялся тогда водворением покоя и порядка в деревнях и селениях, пострадавших от дикого неприятеля, проникал в самые глухие места, если слышал, что там страдает беспомощная бедность, входил во все нужды жителей, одних утешал, другим помогал, иным одолжал, никому ни в чем не отказывая.

Душевные огорчения и недуги старости расстроили его здоровье. Но и будучи болен, он не хотел оставить своих пастырских обязанностей и поехал обзрывать ближайшие к владычному городу церкви. На обратном пути, когда он уже приближался к своему дому, «на устьвымском лугу, близ Устьвымска городка, за мало стадий от соборных церкви, бысть удушен святой отец за нечто от своих домочадцев, неповинно кончину восприя месяца Генваря в 24 день».

Предание говорит, что святой Герасим был удушен омофором слугою вогуличем, которого он взял себе в воспитание с целью образовать из него проповедника православной веры его диким соотчичам.

При всеобщем плаче и рыдании тело святителя-мученика предано было земле в Благовещенском кафедральном соборе.

Святитель Питирим. Когда в Москве было получено известие о мученической кончине блаженного Герасима, то преемником его был поставлен чудовский архимандрит Питирим, известный только по благочестию своему и иноческим подвигам, столько же и по образованности и просвещению, в чем не было ему тогда в Москве равных.

Откуда был родом святой Питирим, где пострижен в монашество, когда и кем пострижен в епископы—неизвестно. Избранный на чреду архипастырского служения в стране, обуреваемой тяж-

кими народными несчастьями, Питирим с первых же дней управления обратил внимание на церковное устройство и на водворение общественного порядка, нарушенного враждебными отношениями соседних народов.

Поэтому первым его долгом по прибытию в Усть-Вымь было восстановление дружественных с ними сношений и особенно с вогуличами и с вятской вольницей, к всеобщему негодованию зырян, самовольно поселившихся в пермских пределах по реке Сысоле и Лузе. С этой целью он разослал им увещательные грамоты и послания, чтобы они не воевали и не грабили зырян, всегда свято соблюдавших мирные условия и никогда не изменявших речительству своих правителей. Но что могли значить пастырские послания и убеждения для необузданных, своевольных людей и грубых язычников? Они не только не имели никакого успеха, но еще и обнаружили слабость материальных сил у правителей Перми и возбудили в грабителях надежду на безнаказанность. Вогуличи и вятчане во время правления Питирима почти не переставали тревожить зырян своими хищническими набегами.

Асыка, пользуясь раздорами русских князей за великокняжеский престол, страшно зорил христианские селения, грабил имущества и убивал народ, который уже и не думал защищаться и сберегать свои хозяйства, спасаясь бегством в леса.

Питирим, ревностный блюститель правды и неутомимый в попечениях о ее благе, употреблял всевозможные средства для того, чтобы по крайней мере несколько ослабить зло и облегчить тягость народного бедствия. Он не щадил для этого ни своих, ни монастырских запасов и имущества.

Так как Асыка, уверенный в безнаказанности, делался все более и более дерзким и стал простираť свои разбои и грабежи далее пределов Перми, причиняя немало вреда русским жителям Двинской области, новгородские владельцы земель на Ваге и Двине Василий Своеземцев и Михаил Яковль в 3000 человек своей дружины, имея путеводителями зырян, в 1445 году прошли до Урала и захватили множество югры (остяко-вогулы).

Хитрые дикари, усыпив бдительность воевод, обещанием полной покорности, неожиданным нападением поразили было дружину Своеземцева, но вскоре благоразумными мерами воевод и стойкостью дружины, озлобленной вероломством вогуличей, ватаги были рассеяны и сам свирепый предводитель их Асыка захвачен в плен и узником должен был сопровождать победителей в русскую землю.

Коварный вогулич, покоряясь необходимости, затанл злобу и клялся всеми грозными духами сохранить до смерти дружественные отношения к Перми и не тревожить более христиан. Но эти вынужденные клятвы и позорный плен еще более усилили в нем

чувство ненависти к зырянам. Получив свободу, он отправился на Печору и ждал только удаления новгородцев, чтобы с большей яростью снова начать свои опустошительные набеги.

Блаженный Питирим старался помочь разоренным чем только мог, своими просьбами и убеждениями он добился наконец того, что вятчане вызвали из Перми свою вольницу и обязались впредь не тревожить зырян.

В 1447 году он был вызван великим князем в Москву для составления соборного послания Шемяке, изменившему клятвенным договорам и слова злодействовавшему в Двинской области. Надобно полагать, что эта грамота или послание, отправленное собором к Шемяке, хотя подписано всем тогдашним духовенством, было составлено Питиримом, как более опытным в делах письменности, пользовавшимся особенным уважением великого князя и немало потерпевшим от Шемяки.

Разлученный с паствой и находясь в Москве, блаженный Питирим не переставал заботиться о пасомых: он лично ходатайствовал у великого князя о защите Перми от нападения врагов, но Василий Васильевич, при всем уважении к святителю, при всем желании исполнить его просьбу, мог сделать тогда только то, что сложил подати с пострадавших, а его семейство наделило Питирима разными вкладами и подарками для зырян.

Отпущенный великим князем, святитель поспешил выехать из Москвы в свою далекую епархию, чтобы обрадовать своих пасомых милостями государя. Но нерадостным было его возвращение в Усть-Вымь. С прискорбием он узнал здесь, что во время его отсутствия Асыка изменил своим клятвам и снова, сделав нападение на ближайšie к Печоре зырянские селения, захватил в плен беззащитных жителей и с награбленным имуществом удалился в верховья Печоры. Жители, лишённые крова и имущества, толпами собрались в Усть-Выме, оплакивая потерю кто отца или матери, кто жены и детей.

Блаженный Питирим, вполне сочувствуя постигнутому их бедствию, старался утешить их своими отеческими беседами, обнадеживал помощью и милостями великого князя и все, что привез из Москвы, раздал разоренным жителям, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить их несчастье.

Среди этих трудов и отеческих забот о пастве святитель в 1448 году снова был вызван в Москву на поставление митрополита русской церкви, которого уже восемь лет не было в Москве по причине смут, произведенных Галичскими князьями, домогавшимися великого княжения. Епископы Ефрем Ростовский, Варлаам Коломенский, Авраамий Суздальский и Питирим Пермский прибыли в Москву, другие прислали грамоты, изъявляя свое согласие на избрание собора. По единодушному желанию всех рязанский

епископ Иона был избран и посвящен в митрополиты Московские.

Личное присутствие на этом соборе святителя Питирима, несмотря на отдаленность епархии, показывает то уважение, какое имели к нему современники и великий князь, который не решился без него приступить к столь важному делу, показывает также ревность самого святителя и его заботы о пользе Церкви и Отечества. Святитель не ограничился посылкой грамоты, но счел долгом лично явиться на собор.

Великий князь, провозжая святителя Питирима в обратный путь, наделяя монастыри и пустыни зырянские богатыми вкладами, не забыл своими милостями и паствы пермской, столько пострадавшей от диких соседей, и снова дал льготы и уменьшил дани с народа. К большой радости зырян и враги их вогуличи после 1448 года около семи лет не тревожили их, так что ревностный пастырь имел теперь полную свободу заняться долгом учительства.

Часто обзревая обширные пределы своей епархии и посещая отдаленные части ее Удору и Печору, чтобы самому видеть, как живут чада его по вере, он с любовью заботился об их просвещении, поучал в домах, проповедывал в храмах, а чаще всего беседовал с народом на открытом поле, громогласно объясняя ему правила веры и благочестия.

Странствуя по Печоре, он, подобно Стефану, преодолевал препятствия, терпел лишения, презирал опасности и свою апостольскую ревность простер до того, что успел обратить в христианство диких вогуличей, кочевавших в соседстве с крещеными зырянами по притокам Печоры. Но это приобретение новых чад церкви Христовой впоследствии навлекло на Пермь страшные бедствия и стоило жизни самому проповеднику.

С 1448 по 1455 год вогуличи не делали нападений на Пермь. В этот промежуток времени народ благоразумно воспользовался льготами, дарованными ему великим князем. Народ повсеместно благословлял своего владыку, благодетеля и отца и вместе с ним надеялся и думал, что наконец избавился от страшных и жестоких врагов своих вогуличей. Но ожидания зырян не сбылись.

Слух об обращении к христианству ближайших к Пермь вогулов пробудил в Асыке и его приближенных бешеную ярость. Лично негодуя на Питирима, вогулический князь готовился нанести жестокий удар зырянам, проникнув в самое сердце пермского края—Усть-Вымь, чтобы погубить его отца и заступника—епископа.

Он не спешил с выполнением своего намерения, исподволь запасался средствами к дальнему пути и вел свои приготовления со всевозможной скрытностью. Когда же все было готово, он вдруг созвал всех вогулических князей с их бродячими ватагами и, воз-

ружив их луками и стрелами, летом 1455 года пустился на плотах вниз по Вычегде, стараясь скорее достигнуть Усть-Выми. Не оставиваясь нигде в пути и задерживая прибрежных жителей, чтобы они не предупредили Питирима, Асыка вскоре доплыл до Усть-Выми и остановился в виду его в десяти верстах от впадения Выми в Вычегду на высоком бору. Здесь он некоторое время ожидал вятскую волиницу, к которой еще с устья Сысолы отправил послов звать ее для грабежа и добычи.

Вятчане не замедлили явиться на этот призыв. Соединившись с ними, Асыка искал удобного случая напасть на Усть-Вымь. В Усть-Выми о вогуличах ничего не знали и Питирим готовился провести молебен на мысу близ устья Выми. Поэтому Асыка поспешил пристать именно в то время, когда Питирим выйдет на мыс и займется проповедью. Он велел набросить на плоты срубленные ели и ветвями их накрыть свое войско. В таком виде плоты издали казались плывущими деревьями, подмытыми напором и быстротою реки.

В Усть-Выме в воскресный день старый и малый были в храме. После литургии святитель, клир и народ с крестами и иконами отправились на мыс—обширное поле, образуемое слиянием рек Выми и Вычегды. Духовная процессия, во главе которой шел с животворящим крестом святитель Питирим, с пением священных гимнов достигла предназначенного места и остановилась. Стали молебствовать. Вдруг заметили массы деревьев, которые тянулись на всю длину реки и плыли прямо к мысу. Это не могло быть случайностью или следствием бури и произвело общее смятение.

Тогда святитель, обратившись в ту сторону, где стоял Усть-Вымь, преклонив колена и воздевши руки, помолился Богу, троекратно осенил монастырь, церкви и город знаменем святого креста, благословил народ и сказал: «...Братие и чада моя возлюбленные! Господь Бог восхотел предати мя немилосердным вогуличам на смерть и час отшествия моего от сего временного жития к вечному уже приспе. Аз же готов есть умерети за Господа Бога моего, лучше мне единому умерети, нежели всем вам погибнути. Вам же, чадам моим, оставляю мир и благословение: любите Бога, любите друг друга, любите и врагов своих. Господь спасет вы смертию моею от их гнева и ярости».

Когда толпы вогулов высыпали на берег и устремились к тому месту, где стоял Питирим, народ разбежался кто куда, оставив архипастыря одного. Владыка пермский был варварски замучен Асыкой и святое тело его, изъязвленное и опозоренное наглыми кровопийцами, брошено было на мысу.

«Сице пострадавша,—говорит летопись,— святыи Питирим, епископ, устьвымский чудотворец, и добровольно за Христа от безбожных вогулич и вятчан кончину восприя и мзду и венец от

Подвигоположника святительства прием, от Владыки и Спасителя Господа нашего Иисуса Христа, Августа в 19 день лета 1455».

Духовные и гражданские власти поспешили послать в Москву известие о случившемся и в продолжении 40 дней, пока не получили ответа из Москвы, тело святителя оставалось в срубе на месте мученической его кончины. Несмотря на знойное время тление не коснулось его.

Когда получен был ответ из Москвы, мощи мученика с великим благоговением и честью были погребены в Устьвымском Благовещенском кафедральном соборе возле его предшественника святителя Герасима.

Еще его современники стали чтить благоговейною памятью день его мученической кончины и обращаться к нему с молитвами, как угоднику Божию. Уже в уставе 1522 года под 19 Августа сказано: «В той же день убиен бысть владыка Питирим пермский от безбожных вогулич».

Святитель Иона. Из жития святителей Стефана, Герасима и Питирима видно, как трудно и опасно было положение юной пермской церкви. В течение многих лет она почти постоянно подвергалась грабежам и разорениям от хищных соседей. Не удивительно потому, что первый преемник Стефана епископ Исаакий вынужден был отказаться от епархии и идти на покой. Следовавшие за ним святители Герасим и Питирим кончили свое служение мученической смертью.

Что должен был ожидать себе и новый владыка пермский Иона, рукоположенный соименным ему московским первосвятителем в 1455 году? Неизвестно, где родился и воспитан, где принял пострижение и готовился к своему высокому служению избранник Божий.

К счастью для нового святителя и его паствы, темное время междоусобий уже проходило, самый опасный враг Василия Темного Дмитрий Шемяка был уже в могиле, другие же враги трепетали его слова, великий князь с каждым днем чувствовал себя сильнее, начинал действовать смелее и решительнее, требовал от всех, чтобы княжение его держали честно и грозно, так что епископ Пермский мог уже быть спокойным за свою безопасность.

Еще отпуская Иону в Пермь, великий князь обещал ему покровительство и защиту как от вятчан, так и от вогуличей, решившись смирить и наказать их. Так как вятчане много наделали бед в северном краю и даже участвовали в убийстве святителя Питирима, то в 1458—1459 годах сильная московская рать строго наказала вятчан, покорила много городов, привела вятскую землю в зависимость от Москвы и обложила данью. С того времени вятская вольница, страшась грозного могущества Москвы, не смела

более нападать на Пермь. Оставалось смирить другого, более строптивого и кровожадного врага зырян вогуличей.

Великий князь, находя неудобным по отдаленности Перми от Москвы оберегать ее собственными силами, поручил устюжанам и новгородцам блюсти ее и помогать ратными людьми по первому требованию пермского владыки. Владыка Иона благоразумно воспользовался военной помощью Москвы и в короткое время успел ввести в стране твердый порядок, восстановить общественное спокойствие и упрочить народное благосостояние.

12 декабря 1459 года вместе с прочими российскими архиереями владыка писал увещание московским епископам сохранять верность Православию, а в 1461 году по кончине митрополита Ионы он объявил собору волю почившего первосвятителя, чтобы в преемники ему поставлен был Ростовский архиепископ Феодосий Бывальцев.

Но главным и более важным подвигом святителя Ионы было обращение ко Христу великой Перми. Великая Пермь, обширная и дикая, была по рекам Каме и Чусовой, в верховьях Вычегды и Печоры, откуда остяки и вогуличи врывались в поселения новых христиан.

Чтобы утвердить православную веру, он вызвал из Усть-Выми надежных и опытных священников. На местах идольских капищ, куда народ привык сходить для молитвы, построил церкви и завел в них школы для обучения детей. Устюжане и новгородцы, ранее других узнавшие об успехе проповеди святителя, поспешили прислать ему свои дары и вклады на устройство и украшение для новопросвещенных.

В 1468 году еще раз было нарушено спокойствие Перми казанскими татарами, захватившими Вятку, надвинувшимися затем к пределам Перми и начавшими уже грабить жителей. Но в следующем же году татары были разбиты устюжанами и заключили мир по всей воле государя Московского.

Блаженный Иона не был безучастным свидетелем этих последних испытаний своей паствы, напротив, он старался помочь погрешившим и возводить везде спокойствие и порядок. Предчувствуя близость своей кончины, в последние годы он особенно старался утвердить благочестие в простодушных людях и уничтожить языческие обычаи. Для этого почти постоянно путешествовал из конца в конец своей обширной епархии, строил новые церкви, увеличивал число клира, будучи сам для него живым примером искреннего благочестия.

Наступил 1470 год, пятнадцатый год его епископства. Преклонный старец начал чувствовать в себе ослабление сил, чаще

стал подвергаться недугам, но и теперь не хотел оставлять свою обычную деятельность, пока предсмертная болезнь не сразила его. Он тихо и мирно скончался в Усть-Выме 6 июня 1470 года.

«И положено бысть святое тело его на Устьвыми, в своей его епископии, близ мощей святых в церкви по левую сторону Герасима и Питирима епископов, устьвымских чудотворцев, с надгробными псалмопении проводивше честне, идеже и донныне вси трие вкупе почивают и чудеса творят и исцеления различныя подают с верою приходящим и до сего дне, по слову Христа Бога нашего» («Вологодские губернские ведомости», 1850 г., № 34).

ПРЕПОДОБНЫЙ ДИМИТРИЙ ЦЫЛИБИНСКИЙ

Преподобный Димитрий был основателем Цылибинской Архангельской пустыни на реке Вычегде в 28 верстах от Яренска. Цылибинская пустынь основана была при св. Стефане Пермском, чтобы служить приютом для проповедников христианства, трудившихся в зырянских селениях по Вычегде.

Преподобный Димитрий был одним из самых ближайших учеников и ревностных помощников Стефана в распространении православной веры между грубыми идолопоклонниками. Из жития святителя известно, что кроме многих духовных лиц, приглашенных им из Устюга, он из самих зырян воспитал и образовал себе немало помощников, которые, как и их соплеменники, хорошо знакомые с правами и обычаями своего народа, могли быть более способны к миссионерству, скорее приобретать доверие народа и успешнее действовать на простые сердца диких сынов природы. Вероятно, из числа этих природных зырян— священнослужителей и был преподобный иеромонах Димитрий.

Он старался во всем подражать своему наставнику, почему и храм в пустыни, им устроенный, посвятил тому же архистратигу Михаилу, как и в Усть-Выми. Выкопав под храмом пещеру, преподобный Димитрий долгое время подвизался в ней в посте и молитве и выходил из нее только для совершения церковной службы и для проповеди слова Божия в окрестных селениях. Когда и как скончался—неизвестно.

Тело его было положено близ церкви, над его могилой впоследствии была устроена часовня, а в ней поставлена гробница с изображением преподобного на верхней ее доске. Из древней записи и церковного синодика видно, что часовня и гробница устроены ранее 1666 года. Память его благоговейно почиталась народом как угодника Божия.

ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН УСТЮЖСКИЙ ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЙ

В Великом Устюге, по другую сторону Сухоны, там, где был Гледец, или старый Устюг, было село Пухово, в котором жил благочестивый и зажиточный земледелец Савва с супругою своею Марией. Бог благословил их супружество чадородием и у них было два сына. Старший Иродион, а младший Иоанн. Сей последний почти с самого младенчества начал обнаруживать в себе что-то необыкновенное, непонятное и несколько не походил на других детей. Постоянно задумчивый и молчаливый, он никогда не участвовал в играх своих сверстников, питался только хлебом и водою, по средам и пятницам решительно не принимал никакой пищи, все ночи проводил без сна в коленопреклонениях и молитвах.

Савва переселился из Пухова на реку Юг в городок Орлов, находившийся в 40 верстах от Устюга. Он вскоре здесь умер, а Мария постриглась в Троицком Орловском монастыре под именем Натальи и сделана была игуменьей. Она взяла в монастырь и Иоанна, который еще более сделался молчалив и начал чуждаться общества, так что многие стали думать, что он не в полном уме.

Блаженный отрок радовался, услышав о себе такое мнение, и так как мать уже не стала его ни в чем стеснять, то он перешел из Орлова в Устюг и начал там юродствовать подобно святому Прокоцию Устюжскому. Он поселился неподалеку от его гроба на соборной площади в хижине, построенной для него набожным Андреем Мишневым. Ночи проводил он в молитве, а днем бегал по улицам как помешанный то в разодранном рваном рубище, то почти совершенно нагой, отдыхал в навозе и так жил зимой и летом.

Блаженный подвижник имел в себе такое обилие благодати Божией, что мог одним словом исцелять недуги, но скрывая то от людей, делал тайно или так, как бы его действие было не с разума.

Судя по молодости лет юродивого и потому, что он ни на что не жаловался, казался одинаково бодрым и по-прежнему с утра до

вечера расхаживал по городу, никому из устюжан на ум не приходило, что он доживает уже последние дни. Но сам блаженный знал это и, радуясь близкому окончанию своего подвига, непрестанно благодарил Бога, изливая душу свою в самой пламенной, тайной молитве. На соборной площади близ храма Успения Божией Матери и гроба праведного Прокопия, где Иоанн проводил большую часть своего времени, блаженный в последний раз воздел руки свои к Богу и, скрываемый от взора людей темнотою ночи, долго молился о сущих в бедах и скорбях, о всем мире и городе, его приютившем; потом оградил себя крестным знаменем, лег на голую землю и предал чистую душу свою Богу 29 мая 1494 года. Вид усопшего, по свидетельству очевидцев, был «яко ангела Божия, лице светило сияюще и тело его аки снег».

Кончина приподняла завесу, скрывавшую жизнь блаженного, и сделала известными его прозорливость, ангельское незлобие и терпение. Лицам, бывшим свидетелями жизни блаженного, не было теперь причины скрывать его подвиги и благодеяния. Поэтому, лишь только слух о его кончине пронесся по городу, тотчас же собралось на соборную площадь великое множество народа, все спешили отдать последний долг подвижнику, многие плакали и жалели о том, что почитая его малоумным, надсмехались над ним и оскорбляли его. Соборные священнослужители со всем городским духовенством с великим благоговением и честью, подобающей праведному, предали труженническое тело его земле на месте его представления.

Спустя несколько лет по преставлении блаженного Иоанна устюжский гражданин Феодор Тутыгин, благоговевя к его памяти, по своему обещанию «повелением наместника и тиуна великого града Устюга, по словеси Владычия десятильника и по совету архимандрита и протопопа с братиею великия церкви Успения Пресвятыя Богородицы» на месте погребения блаженного построил церковь во имя происхождения честного и животворящего Креста «и гробницу устрои и постави над телом блаженного Иоанна». С верою припавшие к гробнице, получали много чудесных исцелений. Служба праведному Иоанну написана в Устюге при царе Иване IV.

ПРЕПОДОБНЫЕ ЕВФИМИЙ И ХАРИТОН СЯНЖЕМСКИЕ

Архиепископы Ростовские Григорий и Дионисий Святогорец в бытность свою один после другого игуменами на Каменном в конце XIV века и в начале XV века своими иноческими подвигами и мудрым управлением столько прославили этот древний, но малозвестный и бедный монастырь, что для их современников он стал тем же, чем была впоследствии Сергиева Лавра, то есть любимым богомольем для искавших иноческой жизни и рассадником святых подвижников и основателей монастырей. Из одной Вологды и почти в одно время в нем приняли пострижение и долго подвизались трое—Евфимий, Дионисий и Александр, основавшие впоследствии свои обители.

О роде и происхождении Евфимия, о времени его прибытия в монастырь и пострижении—сведений до нас не дошло, известно только то, что он был уроженец вологодский, пробыл в монастыре довольно времени, но по любви к уединению вышел из него и поселился в пустыне близ устья реки Кошты на восточном берегу Кубенского озера.

Здесь, окруженный со всех сторон непроходимыми болотами и чащей, он построил себе малую келью, в которой и подвизался в посте и молитве, не давая себе успокоения от труда.

Через некоторое время пришел к нему инок Александр, оставивший, как и он, Каменный монастырь по любви к безмолвию и поселившийся было на реке Сянжеме. Александру понравилось место жительства Евфимия и он стал просить его уступить ему свою келью, предлагая взамен оставленную им на Сянжеме. Преподобный Евфимий принял желание Александра за повеление Божие и охотно согласился поменяться местами подвигов.

На Сянжеме Евфимий скоро узнал, что место то не пустынное (по этой причине его оставил и Александр), но, положившись на Промысл Божий, продолжал подвизаться в посте и молитве, не отказывая в духовных беседах и наставлениях жителям окрестных селений.

юда пришел к нему Харитон, чтобы разделять с ним ипочес-
подвиги. Поскольку поблизости не было храма Божия, да и
стные жители нуждались в нем, то преподобный Евфимий ре-
я построить церковь во имя Вознесения Господня, а при ней
ить монастырь. Это он вскоре и исполнил при неусыпных
их своих.

ероятно в то время, когда преподобный Евфимий ходил в Рос-
клопотать о дозволении построить церковь и монастырь, он
нил сан священства и сделан был игуменом устрояемой им
ели. Принявши на себя заботу управления монастырем, пре-
бный Евфимий предался еще большим подвигам и трудам,
вляя свое игуменство и начальство в том, чтобы для всех быть
ером и трудиться более всех в обители. Вместе с присным
ком своим он сам копал землю, садил овощи, рубил дрова,
воду и исполнял то, чего не хотели делать другие. Стараясь
спокоить и доставить каждому все необходимое, сам преподо-
довольствовался такой пищей и одеждой, которая казалась
и пегодной. По своему смирению, преподобный считал себя
достойным и такой пищи и одежды.

ремя кончины преподобного Евфимия неизвестно, но по всей
ности его блаженная кончина последовала в начале второй
ны XV века, не позднее 1465 года.

ник его блаженный Харитон более 40 лет продолжал тру-
его наставника, старался во всем ему подражать и украшен-
столепными сединами почил о Господе 11 апреля 1509 года.
иять преподобных Евфимия и Харитона совершается 11 аи-

ПРЕПОДОБНЫЕ АВРАМИЙ И КОПРИИ ПЕЧЕНГСКИЕ

По рукописному описанию святых, преподобные отцы Авраамий и Коприй «Иже у Спаса на Печенге быша в лето 7000 (1492)» как Комельский лес, в котором находилась их пустынная обитель еще с половины XIV века начал привлекать к себе пустынножителей из разных мест и так как основанная ими обитель кроме стихов пожаров подвергалась еще нападениям и разорениям врагов то не дошло до нас никаких сведений о том, откуда были родом и где постриглись в монашество преподобные Авраамий и Коприй.

Известно только, что в 1492 году они в первый раз пришли в Печенгу в 20 верстах от Вологды и поселились в здешнем тогда глухом и непроходимом, лесу, построили церковь Спаса Преображения, отчего и монастырь их получил название Спасского Печенгского.

Много надобно было перенести нужд и скорбей, чтобы в этом месте, не имея ни друзей, ни денег, устроить монастырь, вести во всем порядок и руководить собравшейся братиею не столько распоряжениями и приказаниями, сколько убеждениями собственным примером. Но блаженные труженики не щадили сил и крепко подвизались для Господа до самой своей кончины.

По древним рукописным святцам память их 4 февраля.

ПРЕПОДОБНЫЕ АВКСЕНТИЙ И ОНУФРИЙ ПЕРЦЕВСКИЕ

Преподобные Авксентий и Онуфрий, неизвестно где пострижены первоначально подвизавшиеся в 1499 году, основали в 35 стах от Вологды пустынь с церковью во имя Святой Троицы и в ней подвизались до блаженной кончины, терпя нужду и лишения всякого рода. Никаких подробностей о их подвигах не дошло нас, кроме одного того, что еще ближайшие потомки начали чтить их память как святых угодников Божиих. Их имена сны были в древние святцы.

По древним рукописным святцам память их 12 июня.

СКАЗАНИЕ О НАЧАЛЕ СПАСО-КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ

Начало Каменного монастыря. В лета 6849 (1341) при великом князе Иоанне Даниловиче. В лета 6850 (1342) князь Глеб Борисович, впуск князя Константина Ростовского Всеволодовича, и на Бело езеро во свою отчину. И поиде з Бела езера ко градо Устюгу в судех рекою Порозовицею в Кубенское езеро. А стои 10 дней, заше тогда в езере волны велики, нельзя итти в судех, и том месте, идеже стоит церковь Антоний Великий. И оттоле, поиде по великому езеру и, как будет на Карачевской пучине, по устроению Божию воздвижесе туча сильна от западных страны с ветром великим и громом страшным, и молниями зельными, яко княжим судам покрыватися волнами. Князь же пача молнитися своими людьми Всемилостивому Богу и обеты полагали, чтобы Господь избавил от толкия беды, обдержавши его: аще где принесет его в кой день ко берегу, во того имя и церковь поставлю и монастырь построю. И благоволением Божиим принес его ко острову Каменному зовому, августа в 6-й день. Бе же на острове том старцы пустынножителю живут, многими лета состаревшаяся в подвизах духовных. Бе же их числом 23 и церкви у них несть скудность имения и нападения неверных человек. Еще бо тогда и вси прияша святое Крещение, но много множество живущих и верных человек вскрай Кубенского езера великаго по берегу. И у них же молитвенный храм, сиречь часовня, и тамо собирающиеся старцы молитвы возсылати Богу втай. Приста же князь ко святому острову Каменному и виде, яко по устроению Божию сия быша, и приваде его Бог и хотя обет свой исполнити, еже обещася Господу Богу, и посла мужи древодела и постави церковь деревянную во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Боголепна Его Преображения, и монастырь устрои, церковь украсив иконами и книгами, и старейшенство монастыря того вручив старцу богобоязливу, именем Феодору, строити монастырь той. И даст милостивно довольну на строение монастыря того. И оттоле прозван ся Каменный монастырь. И поиде отуду по Кубенскому езеру

великой реке Сухоне, яже течет ис Кубенского езера в Студеное море окян своим устьем ко острову от начала миру. И прииде ко Кривой Луке около в два поприща, а поперег яко вержение каменю. Князь же перекопа и потече тем рвом великая река Сухона, и крест постави, и оттоле зовется княже Глебова прость*. И оттоле пойде к Вологде реке и тамо такоже перекопа, и крест постави, и оттоле зовется такоже княже Глебова прость и до сего дни.

* Т. е. прямизна, прямой путь.